

Сергей Изуграфов
Масамунэ и Мурамаса

Детективная серия «Смерть на Кикладах»

Сергей Изуграфов

**Масамунэ и Мурамаса.
Детективная серия
«Смерть на Кикладах»**

«Издательские решения»

Изуграфов С.

Масамунэ и Мурамаса. Детективная серия «Смерть на Кикладах» /
С. Изуграфов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-746777-7

Алекс Смолев переезжает из Санкт-Петербурга на греческий остров Наксос, где Алекс покупает виллу и виноградник. Загадочные убийства постояльцев виллы и жителей острова заставляют Смолева принять активное участие в расследовании преступлений. Ему помогают его друзья, работники виллы, инспектор уголовной полиции острова и даже Бюро Интерпола в Греции. И вот снова очередное преступление ставит полицию в тупик...

ISBN 978-5-44-746777-7

© Изуграфов С.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть первая	13
Часть вторая	18
Часть третья	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Масамунэ и Мурамаса Детективная серия «Смерть на Кикладах»

Сергей Изуграфов

© Сергей Изуграфов, 2018

ISBN 978-5-4474-6777-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рассеки двойственность!
Учение Дзэн.

Пролог

Мечи-сокровища привозит с востока купец Юэ. Их ножны из благоухающего дерева обернуты шкурой рыб. Золото, серебро, медь и металлы украшают их. Стоят они сотни золотых монет.

Юн-шунь, китайский поэт эпохи Сун.

Александр Владимирович Смолев – для друзей просто Алекс – уже час шел бодрой и пружинящей походкой по городу, который он любил больше всего на свете.

Над Петербургом едва отшумел теплый летний ливень, небо снова прояснилось, и под лучами яркого солнца капли воды сверкали алмазной россыпью на траве, листьях тополей, перилах мостов и на влажных тротуарах.

Северная столица, не избалованная щедрыми солнечными лучами, вся искрилась и переливалась слепящими бликами, отражавшимися в окнах посвежевших домов, в лужах на мостовых и влажных стеклах пролетающих по набережным авто.

В голубом небе над Исаакиевским собором повисла дугой яркая летняя радуга.

Доброе предзнаменование, подумал Смолев.

Он с наслаждением шел пешком по умытому городу, вдохнувшему полной грудью после дождя: летняя пыль, скопившаяся за жаркую июльскую неделю, наконец-то исчезла. Город словно помолодел и засиял ему навстречу улыбками прохожих и куполами храмов.

От Гавани Васильевского острова по Большому проспекту, затем по набережной Лейтенанта Шмидта, потом по Университетской набережной, мимо Стрелки и ее Ростральных колонн, и, наконец, по Биржевому мосту на Петроградку. Он любил этот маршрут. На Кронверкской набережной Алекс привычно остановился полюбоваться видом на Петропавловскую крепость: парящий в синеве золотой ангел словно приветствовал его возвращение высоко поднятой левой рукой, указывающей в небо.

Здравствуй, старый друг, тепло подумал Алекс, я тоже счастлив тебя увидеть снова!

Крепость активно реставрировали, она молодела на глазах, оставаясь столь же грозной и неприступной. На ярко-зеленых газонах у крепостных стен загорала молодежь: студенты штудировали учебники, несколько молодых художников – видимо, из Мухинского училища – расположились с мольбертами у канала и писали крепость с натуры.

Смолев был искренне рад вернуться в родной город, пусть и ненадолго. За последние пятнадцать лет он провел в нем, если посчитать, совсем немного – счет едва шел на месяцы. Но всегда эти встречи были праздником.

В этот раз, правда, повод был не самый приятный: ему пришлось пообщаться с коллегами из следственного комитета, дав показания в качестве свидетеля по делу Глеба Пермякова –

постояльца его виллы на греческом острове Наксос, куда Смолев был вынужден переехать три месяца назад по состоянию здоровья.

«Наш болотный климат, увы, не для вас, батенька!» – сказал ему ведущий кардиолог Центра имени Алмазова после подробного обследования, нервно постукивая пальцами по полированной столешнице рядом с пухлой папкой медицинского заключения.

«Вам надо на море, желательно, на Средиземное! Именно на теплое море! Вам противопоказаны резкие перепады давления! Да и легкие бы надо подлечить! Эти ваши старые ранения... Талассотерапия лечит все! Стабильность, покой, море, воздух – и будете как новенький! Ну, а в Петербург – добро пожаловать летом в гости!»

Алекс ничего не имел против себя и «старенького», но после смерти своего друга он оказался единственным наследником. Так осуществилась его мечта – жить у моря. Он купил небольшую гостиницу на Кикладах, виноградник и совсем уже было собрался наслаждаться «стабильностью и покоем», но вечно случалось то одно, то другое, а покушение на Пермякова выбило его из колеи совершенно. Даже ранение умудрился получить. Навылет, но полечиться пришлось. Но, слава Богу, с этим делом покончено, и теперь он решил потратить оставшиеся дни до отъезда на Наксос на то, чтобы навестить старых друзей.

Он помахал на прощание рукой ангелу на шпиле Собора и направился к Артиллерийскому музею, где его уже ждали.

Шагая мимо давно умерших пушек и гаубиц, которые красили каждый год в нелепый ярко-зеленый цвет, он прошел через ворота в знакомый двор, уставленный образцами военной техники.

Алекс всегда старался пройти его как можно скорее. Отчего-то вид малышней, безмятежно облепивших БТР или ракетную установку, вызывал в нем эмоции, которые он хотел бы подавить в себе – иначе настроение сразу портилось. Для него оружие всегда означало смерть – безжалостную, разрушительную и жестокую. Он уважал оружие и не считал возможным превращать его в глупый аттракцион. Бездумно делать из мощного современного вооружения веселую игрушку для детей могли, по его мнению, или безответственные, или просто умственно неполноценные люди, ничего не знающие о войне и смерти. Он считал это неуважением. А неуважение к смерти обходится всегда очень дорого, уж он-то это знал!

И никаким военно-патриотическим воспитанием тут не пахло и близко, что бы ни несли эти болтуны, которые – он был уверен в этом на все сто – и близко не нюхали пороха.

Военно-патриотическое воспитание, думал он раздраженно, поднимаясь по лестнице музея, – это когда ребенку с малых лет объясняют, что он должен ценить жизнь и уважать смерть, знать, как защитить себя и близких с оружием в руках и без него. Учить долгу и жертве ради своего народа. Тогда ребенок имеет шанс вырасти патриотом. Тогда Родина для него – не абстрактное понятие, не пустой звук с экрана телевизора, а люди, которых он любит и может защитить от беды: мать, отец, братья и сестры. И учить его обращению с оружием нужно именно с детства, но учить серьезно и уважительно.

Хотите сделать патриотизм национальной идеей, обратился он к невидимым оппонентам, начните с собственных мозгов!

Алекс поднялся на второй этаж, мысленно отметив, что обшарпанные стены музея в ржавых пятнах подтеков нуждаются в ремонте как никогда. То ли с последнего его визита денег у музея больше так и не стало, то ли они все уходили раз в году на зеленую краску для военных экспонатов.

Стареешь, подумал он, становишься брызгой! Он остановился и покрутил головой. Налево или направо?

– Вы к кому? – с подозрением поинтересовалась невесть откуда вынырнувшая смотрительница в глубоко преклонных годах, взглянув на него пристально сквозь толстые линзы очков, когда он всего лишь на мгновение засомневался в маршруте.

Отличные психологи, вздохнул он, покорно застывая перед ней, как столб. Стоит замешкаться на миг, и сразу у них в голове срабатывает идентификация: «чужой»!

– К Тишкину Сергею Ивановичу, – ответил он четко и громко, на случай, если она слабо слышит. – Смолев моя фамилия! Сергей Иванович меня ждет.

– У Сергея Ивановича – группа! – непонятно ответила работница музея, продолжая с подозрением мерить взглядом Смолева с головы до ног. – И не надо так громко, юноша, я, слава Богу, не глухая! Еще час как минимум он будет занят!

– Прекрасно! – ответил он ей, широко улыбаясь, догадавшись, о чем речь.

Лучший специалист музея по холодному оружию, а именно – по японским клинкам, иногда подрабатывал тем, что читал лекции, демонстрируя в качестве иллюстраций мечи из фондов музейной коллекции. На его потрясающие лекции собирались самые разные слушатели: от школьников – до узких специалистов, профессоров и даже академиков.

Тишкин был ходячей энциклопедией яркой истории японского клинка за последние две тысячи лет, автором десятка подробных каталогов и сотни сложнейших экспертиз. Он знал все и даже больше! Мало того, у него были золотые руки! Сколько клинков он восстановил и отреставрировал, дав им новую жизнь в музейных экспозициях! С Алексом они дружили много лет.

Сейчас он где-то в запасниках или в мастерской читает лекцию. Ждать час – совершенно невозможно! Мобильный телефон в этих стенах не берет, да и Тишкин часто просто забывает его включать. Его рассеянность уступала только его таланту историка и реставратора. Надо как-то выкручиваться!

– Это замечательно, – повторил Смолев недоверчивой старушке и бухнул наудачу: – Я как раз из этой самой группы! Просто я отстал!

– Что-то непохоже, – язвительно проворчала она себе под нос, продолжая дотошно разглядывать его в свои окуляры. – Вам тоже пятнадцать лет? Что-то вы, дорогой мой, в таком случае сильно поизносились в столь юном возрасте! Пьете много? Куда родители ваши смотрят? Они вам говорили, что старших обманывать нехорошо?

– Сдаюсь! – смущенно рассмеялся Алекс и поднял руки вверх в знак полной капитуляции. Он понял, что сегодня Серега водит школьников. – Виноват! Я сам по себе. Но что же мне делать? Сергей Иванович сам меня пригласил приехать, у него ко мне срочное и важное дело. Не ждать же мне в самом деле час на лестнице? Алевтина Георгиевна, – добавил он проникновенно, считав ее бэджик, – ну выручайте, теперь только от вас все зависит!

– То-то же! – победно потрянула фиолетовыми кудрями бдительная старушка. – Стойте тут и никуда не ходите! Я сама узнаю! Смотрите, если что – у нас теперь новейшая система сигнализации!

– Хорошо, хорошо, – покорно согласился Алекс. – Куда уж деваться... Если новейшая...

В этот момент, судя по звуку, в дальнем углу распахнулась дверь, и из-за тяжелой черной портьеры высунулась светлая взлохмаченная голова.

– Алевтина! – раздраженно сказала голова голосом Тишкина. – Пропусти ты его, Христа ради! Я его с утра жду! У меня к нему важное дело!

– Сергей Иванович, – моментально растеряла весь свой боевой пыл смотрительница, – конечно, как скажете! К вам – в любое время, раз нужно – значит нужно!

– Сашка, иди сюда, – позвала голова и снова скрылась за портьерой, – только аккуратно, тут лестница.

Алекс зашел за портьеру, открыл тяжелую металлическую дверь, спустился по узкой лестнице на пять ступеней вниз и оказался в запасниках музея, в небольшой комнатке, которую его друг использовал как рабочий кабинет.

– Ты тут пока вот посиди, – попросил его Тишкин, – там вон чай в термосе, бутерброды. Книжечку почитай. Я сейчас закончу рассказывать молодежи про эпоху Камакура, и мы с тобой пообщаемся!

– Давай, давай, – кивнул Смолев. – Не беспокойся за меня, я подожду!

Он осмотрелся: в небольшой круглой комнатке с узким, словно бойница, зарешеченным окном, царил полумрак, пахло табаком и окурками из переполненной пепельницы, клеем и пылью.

Алекс уселся в удобное кресло за огромным письменным столом, заваленным книгами, альбомами, фотографиями клинков, рукописями, какими-то вырезками из газет в раскрытой кожаной папке. Видимо, Тишкин недавно их просматривал.

Одну из вырезок, лежавших перед ним, Алекс взял в руки и с интересом прочел:

«Загадочное событие на выставке „Искусство самураев: японский меч“ 12 мая в Санкт-Петербурге. Специальный корреспондент информационного агентства „Арт-Инфо“ Майя Воронина сообщает, что во время выставки „Искусство самураев: японский меч“, проходившей в Военно-историческом музее артиллерии, ракетных войск и связи Санкт-Петербурга, на которой были представлены в качестве экспонатов уникальные японские клинки, произошло событие, которому никто до сих пор не может дать внятного и разумного объяснения. За два дня до окончания выставки в закрытом зале вдруг само по себе лопнуло и разбилось толстое стекло витрины, за которым находился один из самых ценных экспонатов – клинок японского мастера по имени Сэндзи Мурамаса. Легендарный мастер жил и ковал свои уникальные клинки, предположительно, в шестнадцатом веке. Тяжелое стекло упало на клинок и немного повредило его. Эксперты музея осмотрели полученные повреждения, и клинок был немедленно передан лучшим специалистам на реставрацию...»

Интересно, кто эти «лучшие специалисты», подумал Алекс, которым был «передан клинок на реставрацию», не наш ли Сергей Иванович?..

Смолев вернул вырезку обратно в альбом, вслушиваясь в то, что говорил Тишкин в соседней комнате. Дверь была полуоткрыта, и со своего места Алексу было все прекрасно слышно.

– Эпоха Камакура, молодые люди, – рассказывал Тишкин немного усталым и приглушенным голосом, – это Золотой век японских оружейников, самое блистательное время в искусстве создания японского меча. Она датируется тысяча сто восемьдесят пятым – тысяча триста тридцать вторым годами нашей эры. Многие историки считают, что никогда больше оружейное дело в Японии не переживет таких значительных взлетов, как в эпоху Камакура.

– А почему, Сергей Иванович? – поинтересовался кто-то из группы школьников срывающимся подростковым баском.

– Благодаря великим кузнецам, которые жили и творили в ту эпоху. И первым среди них был Окадзаки Горо Нюдо Масамунэ в провинции Сагами. Точной даты рождения его никто не знает, известно лишь, что умер он в тысяча триста сорок третьим году, став легендой уже при жизни настолько, что само его имя стало в Японии нарицательным выражением безупречного совершенства! Когда хотели сказать, что клинок идеален – говорили, что его словно ковал сам Масамунэ! Сталь его клинков по качеству и обработке не имеет себе равных. Вот, посмотрите, в коллекции музея есть клинок Масамунэ. Сейчас я вам его покажу!

Было слышно, как Тишкин выдвинул деревянный ящик и развернул его к группе, чтобы все могли насладиться красотой древнего меча.

– Даже вид клинков этого великого мастера поражает чувством гармонии и вкуса. Это шедевр! Смотрите сами! – растроганно произнес он.

Группа столпилась у него за спиной, были слышны восхищенные возгласы, ахи и перешептывания. Меч произвел сильное впечатление.

– Но, Сергей Иванович, – вдруг недоуменно спросил кто-то из учеников, – здесь же, на хвостовике нет никакой подписи! Вы же сами нам говорили, что кузнецы всегда выбивали свою подпись на клинке, которая потом закрывалась рукоятью. А здесь ничего нет! Как понять, что этот клинок сделал именно Масамунэ?

– Среди известных сегодня пятидесяти девяти клинков Масамунэ практически нет ни одного подписанного, – ответил Тишкин. – Если не считать несколько кинжалов. Но у экспертов никогда не возникало проблем с установлением их авторства. Для тех, кто всерьез изучает историю японского оружейного искусства, это просто очевидно. Я могу вам сейчас рассказать про эффективные элементы закалки стали, которые я вижу здесь: тикэй, кинсудзи, суганаси, ние... Но вам эти слова пока ничего не скажут. Вот когда я свожу вас в кузницу, тогда мы разберем эти моменты подробнее. Поэтому, молодые люди, сегодня просто поверьте мне на слово! Это меч Масамунэ!

– Но почему он их не подписывал? – недоуменно поинтересовался еще кто-то. – Разве он не боялся, что их могут подделать?

– Да как ты не понимаешь, – ответил вполголоса своему товарищу басовитый ученик. – Он потому и не подписывал, что их подделать было невозможно!

– Это хорошая версия, она мне нравится! Молодец, Антон! – согласился преподаватель. – А еще и потому, что Масамунэ ковал мечи непосредственно для высоких военачальников – сегунов. И подпись кузнеца, как бы велик и знаменит он ни был, могла быть истолкована как непочтительность к сильным мира сего. У японцев был свой очень сложный этикет и существовал крайне специфический кодекс отношений. Нам сейчас многие вещи показались бы странными, но...

– Сергей Иванович, – спросил басовитый Антон, – а был ли еще кузнец в истории Японии, с мечами которого можно было сравнить мечи Масамунэ? Ну, хоть один?

– Талантливых кузнецов было очень много, – после паузы ответил Тишкин. – У самого Масамунэ были ученики, ставшие великими мастерами своего дела, известными на всю Японию, так называемые «Масамунэ-но дзю тэцу» – «десять учеников Масамунэ». Я могу назвать вам их имена, но сейчас они вам ничего не скажут. Да и эксперты отличат меч самого Масамунэ от тех, что ковали его ученики. Практически каждый клинок Масамунэ – это «мэйто», или «меч с именем». Это специальный термин, который был введен, чтобы подчеркнуть уникальность и исключительное качество клинка.

– И все-таки? – настаивал ученик. – С кем его сравнивали?

– Вот прицепился, – добродушно рассмеялся Тишкин. – Ладно, мне пришла в голову одна старая история. В Японии есть древняя легенда о том, как воины решили сравнить качество двух клинков двух великих кузнецов: Масамунэ и Мурамаса. Они взяли два лучших меча и воткнули их в горный ручей, лезвием против течения. Поток нес навстречу им листья магнолии, упавшие в воду выше того места, где стояли мечи. Когда лист магнолии приблизился к мечу, который ковал Мурамаса, – то острый, как бритва, клинок, оставаясь неподвижным, мгновенно рассек его пополам, – и уже две половинки листа плыли дальше вниз по ручью. А когда такой же лист плыл в сторону меча, изготовленного Масамунэ, то лист вдруг замедлял ход и огибал меч гениального кузнеца, оставаясь целым и неповрежденным, – закончил рассказ Тишкин. – Вот так!

В комнате повисла недоуменная тишина. Ученики пытались осмыслить сказанное.

Задумался и Смолев. Глубоко! С наскоку и не разобраться, надо подумать!..

– И как это понимать, Сергей Иванович? – не выдержал ученик, задавший ранее вопрос. – Почему?

– А вот почему и как это понять, вы скажете мне в следующий раз, молодые люди, – подвел итог Тишкин. – Это и будет для вас домашним заданием. Все ясно? Ну и хорошо! Лекция закончена! Следующее занятие через две недели. По коридорам идти тихо, ногами не топотать,

не бегать, не кричать. Вы в музее! Мне потом после вашего ухода Алевтина Георгиевна вечно жалуется на мигрень. Все! Свободны!

Мальчишки вышли, видимо, через другую дверь, потому что, как только их голоса и звуки шагов затихли, к Смолеву вернулся один Тишкин.

– Чего чай не пьешь? Он на травах, сам заваривал, – хмуро поинтересовался он у старого друга, уступившего ему хозяйское место за столом и собравшегося пересесть на старенький, продавленный, замызганного вида диванчик в углу. – Ты там только не испачкайся, вот, газетку подстели.

– Спасибо, чаю не хочется, я завтракал, – ответил Алекс, следуя его совету и расстилая на диванчике несколько пухлых листов «Из рук в руки». – Да и тебя заслушался – добавил он, усевшись, – ты, как всегда, в ударе!

– Да брось, это так, подработка. Но парнишки толковые, интересуются – вот что радует! На пятую лекцию уже ко мне приходят. Глаза горят! Сейчас это редкость. Сам понимаешь: старые кадры уходят, а новые нам на замену никто не растил. Вся моя надежда – вот в этих самых мальчишках. Поведу их потом по нашим мастерам-кузнецам, там они смогут поработать руками. Надеюсь, будет смена!

– Чем помочь тебе могу, Сережа? – поинтересовался Алекс, глядя, как Тишкин наливает себе в большую кружку с логотипом музея горячий ароматный чай из термоса и неловко разворачивает пакет с бутербродами. – Ты сам-то ешь, ешь, не стесняйся!

Тишкин, кивнув, откусил сразу добрую половину бутерброда с колбасой, прожевал, проглотил, запил большим глотком чая с ароматом зверобоя и только после этого произнес:

– Саша, тут такое дело. После Петербурга выставка «Японский меч» едет в Афины. У нас тут случился небольшой инцидент, – и мне пришлось реставрировать один древний клинок.

– Мурамаса? – поинтересовался Алекс и пояснил: – Я прочел вырезку. Странное происшествие!

– Да? Ну, значит, ты в курсе. Странное? Просто чудовищное! Так вот, меч не сильно пострадал, слава Богу, удар пришелся на хвостовик, а не на лезвие. Реставрацию мы провели на высшем уровне. Лично делал! Но все равно перед японцами жутко неудобно, ты же понимаешь. Этот меч у них – «национальное достояние», считай, драгоценность, а у нас на него витрина падает! Кошмар! Стыд! Когда и кто к нам еще что-то повезет после такого?! Понятно, что музей не виноват, но тогда кто? Мистика! Я в зале сам все осмотрел, до сих пор не понимаю, как это могло произойти. Стекло лопнуло именно изнутри, словно кто-то ударил чем-то острым. Но в витрине никого не было и быть не могло! Она совершенно герметична! Комиссия в итоге решила, что это заводской брак стекла. В общем, я предложил, чтобы наш музей достал кое-что из запасников и отправил тоже в Афины, чтобы поддержать японцев и морально, и, так сказать, материально. Мол, российско-японская выставка в Греции: «Шедевры древнего оружейного искусства Японии»! А? По-моему, неплохо звучит! Японцы обрадовались страшно! Я составил перечень клинков, которые мы могли бы отправить, наше начальство утвердило, японцы тоже остались довольны.

– Так ты едешь в Грецию? – обрадовался Смолев.

– Еду... – расстроено покрутил головой Тишкин, наливая себе еще чая. – Хотелось бы!.. Но наши балбесы там что-то напортачили с моими выездными документами, и оказалось, что мне просто не успевают открыть визу, представляешь? Выставка едет через три дня и будет в Афинах две недели, а мне еще две недели здесь куковать в ожидании визы. Наш идиотизм, помноженный на европейский бюрократизм... Я японцам даже еще не заикался, они вообще не поймут. Они и так смотрят на европейцев, как на идиотов. Культурный барьер, что ты хочешь. Мы же мыслим и чувствуем с ними совершенно по-разному! Что, не веришь? Ты знаешь, сколько цветов и оттенков способен назвать воьмилетний японец? Недавно исследования проводили: свыше пятисот! Они другие, Саша, совершенно. Мы для них как инопла-

нетяне: культуру не бережем, древние знания не храним, красоты жизни не замечаем, детей в большинстве воспитываем так, что из них вырастают ленивые, самодовольные паразиты!.. А японцы – все наоборот! Очень сложно с ними поддерживать контакт. Как бы они совсем на нас не махнули рукой – не видать нам тогда больше от них экспонатов. Ты никак не можешь мне в этом помочь? Нет связей, чтобы в Афинах ускорить как-то процесс с визой? В порядке исключения: все-таки, – культурный обмен? Ну и с документами на ввоз тоже помочь: везу ведь от нас восемнадцать клинков! Некоторые имеют серьезную ценность, хотя до японской коллекции им далеко. Но стыдно за нашу часть экспозиции не будет!

– Попробую завтра выяснить вопрос! – пожал плечами Смолев. – Есть у меня в Афинах один знакомый генерал... Думаю, что вопрос решим. Сразу же сообщу. Так ты все-таки скажи мне, почему меч Мурамасы разрубал плывущие по течению листья, а меч Масамунэ они огибали?

– А ты спроси у Фудзивары, – подмигнул Тишкин, откусывая очередной бутерброд. – Насколько я помню его фамильный меч – это просто шедевр Масамунэ! Наверняка у него есть свой ответ на этот вопрос. Не может не быть. Этот меч в его семье хранится почти семьсот лет. Настоящий «кото» – старый меч! Я думаю, что он знает все про его создателя.

– Да, – кивнул Алекс. – Я тоже хорошо помню этот меч. Я с ним работал. Ты прав – это что-то! В Додзе к Фудзиваре планирую сегодня вечером. Как у тебя дома, как Марина, как Пашка?

– Все в порядке, все нормально, – отводя глаза и отчего-то волнуясь, ответил Тишкин. – Так ты сможешь с документами? Это очень важно, Саш!

Смолев внимательно присмотрелся к старому другу, отметил темные круги под глазами и легкое дрожание пальцев. Бросил взгляд на полную окурков пепельницу и на задвинутые под стол бутылки, но не стал ни о чем спрашивать. Захочет – сам расскажет, зачем лезть человеку в душу?

Еще через полчаса они распрощались.

Алекс снова вышел на Кронверкскую набережную и, глубоко задумавшись, направился в сторону Троицкого моста. Пролетавшие мимо автомобили щедро обдавали его брызгами, но он их даже не замечал.

Часть первая

*Проявляй великое сострадание и помогай людям.
Ямомото Цунэтомо. «Хакагурэ».*

– Стекло, говоришь, упало? На ценный экспонат? Во время выставки? – поинтересовался Виктор Манн. Видимо, он тоже шел где-то по улице: в телефоне стоял гул и раздавался треск. – Вот незадача! Не повезло музею, что тут скажешь! Ладно, присылай данные на твоего товарища, поможем, чем сможем! Копию паспорта, перечень экспонатов, что везет, – ну, как положено. А на выставку в Афинах давай обязательно сходим, я своих приведу. А то меня Тереза ругает, что никуда не ходим, ни в театры, ни в музеи... Вот и будет ей музей! Кстати, а что Стефания, проявилась как-то?

– Проявилась, – помолчав, нехотя ответил Алекс. – Письмо написала. Мол, по рабочим вопросам она полностью со мной согласна и совершенно мне доверяет во всем. Что у Фонда нет никаких сомнений в том, что проект будет успешно осуществлен. Желает мне скорейшего выздоровления и всего самого доброго. Вот так!

Смолев сидел на удобной деревянной скамейке главной аллеи в Летнем саду. Живые изгороди сада затянула яркая зелень, пышные кроны старых лип бросали на аллею густую тень. Многим из них было уже больше двухсот лет. Невдалеке журчал знаменитый фонтан «Пирамида».

Смолев любил приходить сюда. Он считал, что побывать в Петербурге и не навестить Летний сад он не может, не имеет права. Здесь было одно из немногих мест на Земле, где он чувствовал радость, покой и умиротворение.

Мимо по гравийным дорожкам неспешно фланировали отдыхающие горожане, с интересом разглядывая открытые после ремонта статуи. Проходя мимо они бросали любопытные взгляды на подтянутого брюнета с серыми глазами, в отлично сшитом светлом костюме, одиноко сидевшего на скамейке.

– Да, кисло, друг мой, – попыток Виктор сквозь усилившийся шум, видимо он переходил оживленную улицу: в трубке явственно были слышны автомобильные сирены. – Но ты же понимаешь, что она тебе хотела сказать этим письмом?

– Витя, я ничего не понимаю! – в сердцах ответил Смолев. – Что случилось, почему уехала, что за тон такой официальный?! Я что-то сделал не так? А самое главное, когда успел? В больнице-то?

– Ладно, разберешься! Поговорю с Терезой, может, она что подскажет, – пересиливая шум, прокричал Виктор. – Нос не вешай! Слушай, я перезвоню чуть позже, я сейчас в центре по делам – сам себя не слышу! Обнимаю! Все, отбой!

– Давай, удачи! – грустно ответил Алекс и сбросил звонок.

Он прикрыл глаза и стал перебирать в памяти события последних дней.

То, что Стефания неожиданно покинула Наксос на пароме, он узнал, уже оставив больницу на следующий день к явной радости главного врача, которую тот и не потрудился скрыть.

Уже на вилле Катерина сообщила Смолеву, что Стефания накануне в спешке собралась и ушла из гостиницы к пирсу, чтобы успеть на последний паром до Пирея.

«На тот же самый, – уточнила говорливая горничная, радостно блестя глазами, – на котором уехали Цветковы и их подруга. Та самая Ариадна! Вернее, Цветковы-то уехали, а она осталась!»

Тут Катерина начала загадочно улыбаться. «К вам Димитрос и Леонидас, босс! – добавила она весело. – У них к вам какой-то серьезный разговор!»

Молодые мужчины уже ждали его на верхней террасе.

«Серьезный разговор» шел на английском – греческий Алекс только начал изучать – и продлился два часа, после чего плавно перешел в обед. После того, как в конце трапезы все уже выпили по традиционной рюмочке ракомело за «успех предприятия», Леонидас поднялся и протянул руку Смолеву.

– Спасибо вам, Алекс, я буду вам очень благодарен! – блестя глазами и несколько смущенно улыбаясь, проникновенно сказал молодой грек.

– Пока не за что, Леонидас, друг мой! Я впервые буду выступать в таком качестве, но сделаю все, что смогу! – широко улыбаясь в ответ и крепко пожимая его руку, ответил Алекс. – А где же сама Ариадна? Она пропустила обед!

– Они с вашей новой управляющей гуляют по набережной. Сказали, что пройдутся по магазинам и пообедают в таверне, – ответил Леонидас. – Спасибо вашей Софье, я хотел, чтобы этот разговор остался между нами. Если все получится – это будет огромная радость для всех нас!

– Праздник будет на весь остров! – подтвердил Димитрос, весело потирая руки. – На целых три дня!

– Ну что ж, – сказал Алекс, вставая, чтобы проводить гостя. – Мои наилучшие пожелания вашим родителям, надеюсь в скором времени порадовать вас вестями!

Вот так он и улетел в Петербург. Огорошенный неожиданным отъездом испанки и озадаченный непривычным поручением, которое взял на себя добровольно.

До встречи с Фудзиварой-сенсеем оставалось еще три часа. Этого было вполне достаточно, чтобы выполнить обещание, данное Леонидасу, и пешком – погода была отличная, а Алекс даже думать не хотел о такси – вернуться на Васильевский остров, где и находился спортивный клуб. Тот самый Додзе, в котором еще недавно и сам Смолев занимался Кендо.

Родственники Арины Филатовой жили совсем рядом с Летним садом – на Моховой, 33. Алекс несколько раз прокрутил в голове возможный сценарий разговора, потом быстрым движением легко поднялся со скамейки и направился по аллее в сторону Михайловского замка – к выходу из сада.

По дороге он зашел в цветочный магазин на Фонтанке, где много лет покупал прекрасные цветы.

Как часто бывает, все пошло совсем не так, как предполагаешь заранее.

Он позвонил, спустя мгновение тяжелая деревянная дверь неспешно отворилась. Стройная пожилая женщина, стоявшая на пороге, внимательно оглядела его с ног до головы.

– Александр Смолев, – представился Алекс, склонив голову. – Добрый день! Я звонил вам, Галина Александровна!

– Вот вы какой, – произнесла после паузы бабушка Арины глубоким грудным голосом. – Я несколько иначе представляла себе жителя греческого острова. А вы совсем не загорели! Боже мой, белые лилии! Мои любимые! Вы подготовились, молодой человек! Впрочем, что же это мы на пороге... Проходите, прошу вас!

Алекс шагнул вслед за хозяйкой в коридор. Вкусно пахло жареными пирожками.

Хозяйка и гость прошли в гостиную, где стоял большой круглый стол, накрытый для чаепития.

Смолев, еще раз поклонившись, вручил женщине букет и, пока та вышла ненадолго, чтобы налить в вазу воду для цветов, огляделся.

Это была типичная квартира старой ленинградской интеллигенции: много книг на полках шкафов, картины, репродукции и эстампы на стенах. Гравюры с видом Невы петровских времен привлекли его внимание, он постоял пару минут, рассматривая парусники и лодки напротив Петропавловской крепости. Старый мастер не упустил ни одной детали ни в такелаже судна, ни в парадных нарядах дам, толпившихся на молу.

Алекс пригляделся к гостиной повнимательнее. Обои давно требовали ремонта, да и потолок надо бы побелить. Но это не мешало комнате быть уютной. Он отметил удобные мягкие кресла и диван вдоль стены. Рядом с диваном находился журнальный столик с толстой стопкой журналов по архитектуре и дизайну.

В углу стоял старый переносной патефон времен войны – видимо, этот музейный экспонат иногда даже заводили: рядом стопкой лежали пластинки.

Алекс подошел и взял наугад несколько пластинок. Здесь были Утесов, Вертинский, Лещенко – еще тот Лещенко, Петр, а не Лев Валерьянович – Русланова, Лемешев, Шульженко, Козловский!..

Смолев увлекся, и не услышал, как в комнату вошла хозяйка.

– Вы, молодые, их уже и не помните, наверно, – произнесла Галина Александровна своим низким, бархатистым голосом. Она вошла с большой хрустальной вазой, в которую поместила принесенный Смолевым букет белых лилий. Женщина поставила букет на комод и внимательно наблюдала за гостем. – А для нас – это наша молодость, самые счастливые годы, несмотря на то, что они были очень тяжелыми.

– Ну почему же, – улыбнулся ей Алекс. – Я знаю их всех, очень люблю слушать Лемешева Сергея Яковлевича. Считаю его великим тенором всех времен! Обожаю старые фильмы с его участием! У вас прекрасная коллекция пластинок, Галина Александровна! Я вам по-доброму завидую!

– Это мой муж купил этот патефон, – кивнула, улыбаясь своим воспоминаниям, бабушка Арины. – В мае сорок первого. На нашу свадьбу. А в августе муж уже ушел добровольцем на войну. Петя воевал на Ленинградском фронте. Ему было двадцать лет. Впрочем, ему и сейчас по-прежнему только двадцать... Это я состарилась. А я всю войну проработала на Кировском заводе. С тех пор мы этот патефон и храним.

– Понимаю, – сказал, помолчав, Алекс и бережно вернул пластинки на место.

– Что же мы стоим? Давайте-ка пить чай! – смущенно всплеснула руками хозяйка. – С пирожками! Вы какие больше любите? С капустой, с картошкой или грибами?

– Я люблю все! – совершенно искренне ответил Смолев, усаживаясь за стол. Он давно уже проголодался. – Тем более, когда они так божественно пахнут! А как же мама Арины? Она к нам не присоединится? Разговор у меня для вас обеих...

– Она уже едет домой с работы, – кивая головой и аккуратно разливая чай в красивые фарфоровые чашки из праздничного сервиза, ответила женщина. – Она у нас дизайнер, архитектор. Очень талантливая, умница просто! Одна из лучших среди архитекторов города! И это не только мое мнение, поверьте. Но то ли заказчиков стало меньше, то ли архитекторов – больше, работать с каждым годом ей становится все труднее и труднее. Но она не жалуется, не подумайте! Это я так брюзжу по-стариковски! Ей долго ехать, через весь город. Говорят, сейчас жуткие пробки!

Алекс внимательно взглянул на хозяйку. Высокая, стройная и элегантная, с благородной осанкой, в свои восемьдесят с хвостиком Галина Александровна Филатова никак не производила впечатление «старухи». Умный и внимательный взгляд, точные движения, грамотная речь. Назвать ее так у него язык бы не повернулся. Скорее, интеллигентная дама в преклонных годах.

– Пейте чай и угощайтесь, – хозяйка пододвинула к нему большое блюдо с румяными пирожками. – За чаем и поговорим!

Они проговорили больше часа.

Алекс рассказал о себе и своей жизни на острове. Описал Наксос и его жителей, своих друзей, семью Спанидисов и самого Леонидаса. Рассказал про природу: море и пляжи, горы, рощи и виноградники.

Галина Александровна внимательно слушала его, не перебивая, изредка задавая вопросы, когда Алекс замолкал и переключался на очередной потрясающий пирожок. Он ел их, жмурясь от удовольствия, что не могло не порадовать хозяйку.

– Хорошо, – сказала она наконец. – Я поняла. Зачем же вы приехали?

Алекс аккуратно вытер салфеткой губы, поставил чашку на блюдце и взглянул в глаза хозяйке.

– Я приехал в качестве свата, Галина Александровна! – открыто и прямо сказал он. – Пусть для меня это новое качество, но в данном случае я абсолютно уверен, что ваша внучка будет счастлива! Я знаю и уважаю семью Спанидисов – это труженики, честные и порядочные люди. Они талантливые виноградари и виноделы! И я приехал пригласить вас и вашу дочь – маму Арины – на Наксос, чтобы вы могли познакомиться с родителями Леонидаса. Их зовут Иоаннис и Мелитина. Они передают вам и вашей дочери через меня свое приглашение посетить их дом. Я тоже приглашаю вас остановиться у меня на вилле на неделю, как минимум, или сколько потребуется, пока не решится вопрос так или иначе. Леонидас – достойный человек, и он хочет сделать все, как положено. И важный момент, который мне хотелось бы особо подчеркнуть: то, что вы едете – не означает вашего согласия, просто вы сможете увидеть все своими глазами и решить уже на месте. Ваше право отказаться в любой момент. Естественно, что все расходы берет на себя приглашающая сторона, вам не о чем беспокоиться! Если вы согласитесь, то я все организую!

– Да-а, – протянула пожилая женщина, улыбаясь и удивленно покачивая головой. – Вот это новость! Неожиданно – это мягко сказано! Ее мать с ума сойдет! Но знаете что, Александр? Вы мне нравитесь! И меня вы убедили! Я поеду! Что мне тут паутиной зарастать?! В Греции я никогда не была, люди там свои, православные! Теплого моря я не видела лет двадцать, да и по внучке своей бестолковой уже соскучилась... А если свадьба внучки случится, так чего же мне еще желать на старости лет? Можно умирать с чистой совестью! Но я не спешу, не спешу... Поживу еще, глядишь, правнуков дождусь. Последний вопрос, Александр. А зачем это вам? Вам лично? Столько хлопот?

Смолев помолчал, прикрыв глаза, словно что-то вспомнил, и тепло улыбнулся воспоминаниям. Он посмотрел на пожилую женщину и спросил:

– Вы не слышали историю о том, как много лет назад юноша по имени Петр и девушка Галя решили пожениться наперекор всему и уехали из своей деревни в Петербург? Девушке было тогда едва семнадцать лет. Помнится, что они поженились и были счастливы!

– Слышала, что-то припоминаю, – широко улыбаясь, ответила Галина Александровна. – Ну и болтушка у меня внучка!

– У меня был друг, – продолжал Алекс. – К сожалению, его больше нет с нами. Он сказал мне однажды важную вещь: «Молодые люди, которые любят друг друга, должны быть вместе. Это простая истина и высшая справедливость!» И вы знаете, Галина Александровна, я с ним полностью согласен!

– Хорошо! Вы меня убедили! – повторила хозяйка, слегка пристукнув ладонью по столу. – Дочь я возьму на себя! Она у меня упрямая, но не упрямее меня! Сама сегодня с ней поговорю! Так будет лучше.

– Хорошо, – согласился Алекс, поднимаясь из-за стола. – У вас есть номер моего телефона. С вашего разрешения я откланиваюсь! Отправлюсь дальше по делам. Спасибо большое за угощение: пирожки просто объедение! Буду с нетерпением ждать вашего звонка! Кстати, это фотографии места, куда вы поедете, я надеюсь. Они все подписаны вашей внучкой, вам будет легко разобраться.

Алекс достал из кармана толстую пачку фотографий и аккуратно положил их на стол.

Незадолго до его отъезда их принесла Ариадна, видимо она все-таки узнала про разговор. Без болтушки Катерины тут точно не обошлось, подумал Смолев.

«Передайте, пожалуйста маме с бабушкой!» – сказала Ариадна, смущенно краснея. Алекс безропотно согласился, и вот эти фото уже лежат на столе в их гостиной.

Посмотреть она их сможет и без него, так даже лучше, подумал он.

Хозяйка проводила его до дверей, и скоро он уже снова шагал по набережной Невы мимо Троицкого моста и Эрмитажа в сторону Васильевского острова, подставив лицо теплым лучам северного солнца.

До Додзе идти было меньше часа. Сэнсей уже наверняка там.

Часть вторая

*Заключен ли в них злой дух или нет,
Этого мне знать не дано.
Но в реальности
Мечи Мурамаса – большая редкость,
Это я знаю точно!*

Накайима Хисатае, японский поэт.

Главный зал Додзе был пуст: тренировка еще не началась.

Привычно разувшись перед входом, Смолев прошел к стенду, где находились доспехи, стояла стойка с боккенами¹ и синаями² разной величины. Он задумчиво провел рукой по гладкой, отполированной поверхности боккена из красного дуба. Воспоминания о событиях пятнадцатилетней давности нахлынули на него, как бурный горный ручей из легенды о двух великих кузнецах.

Он вспомнил свой первый день в клубе и встречу с Фудзиварой-сэнсеем. Это и в самом деле было почти пятнадцать лет назад.

Его привели интернетовские знакомые, сказали: «Стой здесь, у входа, мастер Фудзивара сейчас примет тебя». До начала тренировки оставалось еще минут двадцать.

Как раз, когда Алекс закончил изучать плакат над входом, гласивший: «Победа – это жизнь, поражение – это смерть», в стене длинного и мрачноватого зала открылась боковая дверца. Оттуда вышел маленький седой японец, приблизился к нему и поклонился, радушно улыбаясь. Смолеву ничего не оставалось, как поклониться в ответ. Японец жестом пригласил его пройти, одобрительно коротко кивнув, глядя, как гость скидывает пропыленные кроссовки.

– Простите, я не говорю по-японски, – сказал тогда Смолев по-английски, – мне сказали, что здесь школа Кендо, у меня есть синай, и я хочу у вас учиться.

– Ничего страшного, – ответил японец на сносном английском языке, – расскажите о себе, почему вы решили практиковать Кендо?

В тот момент Алекс не смог быстро найти ответ на этот простой, казалось бы, вопрос.

Спроси он меня сейчас, подумал он вдруг, что бы я ответил?

Тогда, много лет назад мастер сам пришел ему на помощь.

– Вы не знаете, что привело вас сюда. Но что-то привело вас, и вы хотели бы попробовать. Я правильно вас понимаю? – по-прежнему улыбаясь, спросил он.

– Да, – ответил Алекс, – спасибо! Простите, я не знаю, что еще сказать! Я давно не занимался спортом, было не до того...

– Не переживайте, – улыбка мастера казалась бесконечной, – тело быстро вспомнит и окрепнет. Не это главное. Дух и самосовершенствование – вот основная наша цель, познание себя и окружающего мира через Кендо. Вы готовы к долгим тренировкам? Практика Кендо требует времени, терпения, упорства и твердости духа.

Вот так он и пришел в Кендо.

Смолев задумчиво взял со стенда синай – бамбуковый меч для тренировок. Да, он был очень похож на его первый синай. С меча из бамбука все и началось.

Алекс помнил, как сперва все новички собрались в круг, и, сев рядом, мастер показал им синай и рассказал, из каких частей он состоит. Затем подошел его помощник, поклонился и занял место рядом с мастером. По команде сенсея помощник демонстрировал, как надо сто-

¹ деревянный меч для тренировки – яп. (прим. автора)

² бамбуковый меч для тренировки – яп. (прим. автора)

ять и как сидеть, как нужно держать меч во время поклона, под каким углом следует делать поклон, а мастер комментировал все его движения.

Новичкам объяснили, куда надо смотреть, где должны быть руки, а где – лежать меч. Потом выучили хватку синая: левая рука снизу держит рукоять тремя пальцами, а правая – выше, сжимает ее легко, без напряжения. А вот и стойка: правая пятка на одной линии с большим пальцем левой ноги, ноги на ширине ступни, левая пятка всегда несколько приподнята от пола, а кончик бамбукового меча направлен в горло противнику. Потом попробовали передвижения: назад и вперед, влево и вправо, влево, вперед, вправо, назад...

Смолев усмехнулся: уже на второй тренировке он сломал свой первый синай. Сэнсей, заметив, что он расстроен, подбодрил его тогда, сказав, что это от усердия и трудолюбия, и помощник выдал другой, пообещав починить старый. Новый синай оказался гораздо крупнее первого, намного тяжелее и с массивной рукоятью. Он помнит, как на первых порах было ужасно тяжело соблюдать стойку, правильно держать меч, расслаблять плечи и не спотыкаться о собственные ноги. В доспехах, которые выдал новичкам помощник, Алекс ощущал себя водолазом на суше. Первые несколько недель тренировок превратились тогда в сущий ад. Он чувствовал себя беспомощным, ни на что не способным, потным и бестолковым.

Прошли месяцы, прежде чем его стойка стала тверже, он смог держать правильно руки, особенно левую – по центру. Ноги, наконец, стали слушаться, он научился шлепать правой ногой одновременно с нанесением удара мечом по цели. Он прекрасно помнит, как пятки вечно были сбиты в кровь, мышцы ныли, суставы трещали, ноющая боль в предплечьях была постоянной.

«...суть Кендо, – учил их мастер, – подготовить самурая к битве не на жизнь, а на смерть, где провести фатальный удар можно лишь тогда, когда он совмещается с движением ног, дух крепок, а энергия сфокусирована. Поэтому все в Кендо имеет глубокий смысл. Почему ударной является только верхняя треть синая? Потому, что на настоящем клинке это – самая острая часть. Почему удары в область висков, запястий и в другие места должны быть такими точными и четкими? Чтобы пробить броню доспехов противника, ведь именно в изгибе запястья они очень тонки. Почему так важна одновременность удара и движения ног? Чтобы вложить в удар вес всего тела. А чтобы в битве ваш меч не застрял намертво в черепе поверженного противника, и вы не стали легкой добычей, нужно выжимающее движение...»

«...можно проследить родословную каждого инструктора вплоть до великих самурайских домов периода Эдо и дальше. Эти истории передаются от учителя ученику, который потом, в свою очередь, передает ее своему воспитаннику. И когда я говорю вам, что нога должна стоять так, а не иначе, я говорю это не потому, что меня так учили, а потому,

что так это правильно. И так делали всегда. Обратите внимание на угол замаха меча. Это оптимальный замах, чтобы, пробив доспехи в этом месте, убить противника одним ударом, в то же время оставаясь в равновесии для отражения следующей атаки. Так что, как видите, это не просто пустой обычай...»

И Алекс не жалел себя. Казалось, что-то начало получаться. Он помнит, как после десятой или одиннадцатой недели тренировок мастер Фудзивара пригласил его после тренировки поужинать в японский ресторанчик, что был тогда выше этажом. За рисом с сашими и жасминовым чаем мастер рассказал ему потрясающую историю про молодого самурая по имени Миямото Мусаши, которую Смолев запомнил на всю жизнь.

– Настоящее объединение Японии в Империю началось с приходом к власти сподвижника Нобунаги – великого Токугавы Иэясу в тысяча шестьсот третьем году, – говорил тогда Фудзивара-сенсей. – В детстве нашего самурая звали Бен-но-Суке. Когда ему было семь лет, его отец – самурай и отличный фехтовальщик – погиб. Вскоре умерла и мать, ребенка взял на попечение его дядя, монах. Желая отомстить за гибель отца, парнишка тренировался с малых лет, рос сильным и задиристым. Первого своего противника он уложил в поединке, когда ему было всего тринадцать. И это был самурай из школы Синто-рю, искусно владевший мечом. Бен-но-Суке победил его, орудуя деревянной палкой. Просто проломив ему голову. Еще через три года он убивает другого известного бойца по имени Тадасима Акиме и, решив, что его подготовка достаточна, отправляется в свое «паломничество самурая».

– Что это такое – «паломничество самурая», мастер? – поинтересовался тогда Смолев.

– Это странствие, в котором самурай может находиться всю жизнь. Его еще называют «воинскими скитаниями». Тысячи самураев во все века бродили по Японии, сражаясь друг с другом и умирая в схватках. Это были ронины, как правило. Самураи, не служившие никому, кочевавшие по стране и вызывавшие на бой лучших бойцов из разных школ.

Наш молодой самурай тоже был таким ронином, но сперва он решил отомстить за отца и направился в Киото, где жила семья Йошиоки. Ему шел двадцать первый год. Первым он вызвал на бой главу семьи – Сейдзиро. Тот сражался настоящим мечом, а наш герой – деревянным – и победил. От стыда за поражение глава семьи отрезал свой узел на затылке – знак принадлежности к касте самураев. Затем была схватка со средним братом – Денсичиро, на которую наш воин легкомысленно опоздал. Но, появившись, всего за несколько секунд разделался с новым противником: его деревянный меч разможил тому череп. Отстоять честь семьи вызвался сын Сейдзиро – молодой Хансичиро, которому не исполнилось еще и двадцати, но он уже был признан лучшим фехтовальщиком в семье. Он прибыл к месту дуэли в полном вооружении, окруженный слугами, и с твердым желанием разделаться с выскочкой. Но и это его не спасло. Бен-но-Суке зарубил его, орудуя двумя мечами, пробился сквозь толпу вооруженных телохранителей и скрылся в зарослях. Так его и не нашли. С тех пор его имя стало легендой. К тридцати годам он провел более шестидесяти серьезных схваток, как он сам пишет в своей книге, и стал практически непобедим. Я не буду в подробностях рассказывать вам обо всех его схватках: это заняло бы слишком много времени. Расскажу еще только об одной.

К этому моменту в чайнике настоялся жасминовый чай, японец разлил ароматную жидкость по чашкам, вернул чайник в керамическую подставку с горячей свечой и продолжил свой рассказ.

– Это, пожалуй, самая известная его схватка. Его звали Миямото Мусаши, по имени деревеньки, где он родился и вырос. И он был уже знаменит. Схватка произошла в тысяча шестьсот двенадцатом году в маленьком городке провинции Бунзен, где Мусаши вызвал на поединок лучшего фехтовальщика местного князя Тадаоке по имени Сасаки Кодзиро. Последний был знаменит тем, что разработал изумительную технику фехтования, названную «пируэт ласточки», вдохновленный движением ласточки в полете. Испросив и получив разрешение на поединок у князя, наш самурай через гонца условился о месте и времени схватки.

Поединок решили провести на небольшом островке, в нескольких милях от города утром следующего дня. К условленному времени явился только Кодзиросо со своими секундантами. Прошло время, решили послать за нашим самураем в дом, где он пировал накануне. Разнесся слух, что, испугавшись филигранной техники Кодзиросо, молодой самурай попросту сбежал. Но нет, его нашли, еле добудились. Сидя на циновке и ничего не понимая спросонья, он выпил воду из тастика для умывания и повязал себе на голову влажное полотенце. Потом поднялся, весь всклокоченный, сел в лодку и поплыл на остров. По дороге, пока его друг греб, он кое-как привел в порядок свою одежду, подвязав бумажными лентами рукава кимоно, выстрогал нечто вроде меча из запасного весла. Закончив строгать, он улегся и всю дорогу до острова проспал.

Когда лодка коснулась берега, он выскочил из нее, размахивая грубо оструганным веслом, поразив своим видом всех присутствовавших там людей. И снова поединок занял несколько мгновений. Сасаки Кодзиросо стремительно атаковал, Мусаши скользнул в сторону и опустил весло на череп врага. Все было кончено. В падении меч Кодзиросо разрубил широкий пояс Мусаши, и с того свалились штаны. Вот так, сверкая голым задом, он и направился обратно к лодке, предварительно театрально поклонившись онемевшим от изумления секундантам.

Мастер негромко и весело посмеялся, покачивая головой.

– После этого боя Мусаши навсегда отказался от использования настоящих мечей в индивидуальных схватках. Отныне он применял исключительно деревянные...

Сейчас, стоя в пустом зале Додзе и держа в руках бамбуковый меч, спустя почти полтора десятка лет после этого разговора, Смолев прекрасно понимал, что исход поединка зависит не столько от меча, сколько от того, кто держит его в руках. И все-таки, загадка, которую задал Тишкин, не давала ему покоя.

Он вернул синай на место и подошел к окну, что выходило в маленький дворик, заросший липами.

Имя мастера Масамунэ было ему известно. Более того, он во всех деталях помнил день, когда впервые прикоснулся к фамильному мечу клана Фудзивара, изготовленному этим легендарным кузнецом.

Алекс прикрыл глаза и снова, будто наяву, увидел, как тогда медленно потянул меч из ножен, вначале обнажив его до половины, а потом и полностью; было видно, что он острее бритвы. Полированная поверхность лезвия напоминала темный бархат. Древний клинок заворожил его хамоном – волнистым рисунком вдоль режущей кромки. Свет ламп переливался по слегка изогнутому лезвию, рождая холодное мерцание: казалось, что клинок покрыт тонким слоем прозрачного льда.

Меч был увесист, но не слишком. Рукоять, обтянутая кожей ската, была удобной, и рука не скользила. Искусство древних кузнецов потрясло в тот момент Алекса до глубины души.

Уже позже, изучая этот вопрос, он читал о том, как японские мастера-оружейники методом бесчисленных проб и ошибок еще в глубокой древности сумели добиться того, что лезвие меча и обладало нужной остротой, и в то же время не становилось хрупким. Достигали они этого, сплавляя бесчисленное множество раз в одном полотне различные сорта стали, отличающиеся содержанием углерода. Откованную пластину перерубали зубилом на части, складывали пополам и снова отковывали – и так много дней подряд. Только кузнец работал с мечом более шестидесяти дней! В результате структура меча становилась многослойной и состояла из тысяч пластинчатых слоев. Каждая часть меча закаливалась по-особому, для чего перед закалкой на меч наносился слой глины различной толщины.

От кузнеца меч попадал к полировщику, который использовал десятки различных точильных камней, куски кожи, и, наконец, подушечки собственных пальцев... Ножны тоже были произведением искусства. Традиционно в течение столетий они изготавливались из дерева магнолии, прочной и защищающей лезвие от окисления. Ножны делались из двух симметричных половинок, скрепленных рисовым клеем. Меч настоящего мастера всегда входил в ножны с усилием, но это была иллюзия – внутри ножен его полотно нигде не соприкасалось с деревом. Он прекрасно помнит этот меч Масамунэ.

Это был великолепный меч. Само совершенство.

– Смолев-сан! – услышал он за спиной знакомый негромкий, слегка словно надтреснутый голос, говоривший по-английски, и очнулся от воспоминаний. – Почему вы еще не одеты к поединку?

За спиной Алекса стоял, широко улыбаясь, Фудзивара-сенсей. Маленький, худой и совершенно седой японец низко поклонился Смолеву, Алекс традиционно поклонился в ответ, после чего не выдержал и крепко обнял старика.

– Боюсь, что я не готов к поединку, сенсей, – виновато ответил Алекс, отстранившись. – Я давно не тренировался.

– Кендо – это не тренировки и не соревнования, даже не поединки! – укоризненно покачал головой мастер Фудзивара. – Я много лет говорю вам одно и то же: смысл Кендо в самом Кендо! Это Путь самосовершенствования длиною в жизнь. Я иду по нему вот уже шестьдесят семь лет! Это бесконечное путешествие без пункта назначения. Мы все идем по этому Пути, как шли тысячи воинов с незапамятных времен до нас, преодолевая себя и совершенствуя свой дух. Воин обязательно поймет это, когда найдет свой Путь. Со временем. У каждого впереди много истин, которые придется усвоить, но, прежде чем воин подойдет вплотную к их пониманию, его техника должна стать безупречной. Для этого нужны ежедневные занятия!

– Я помню, мастер, – снова склонился в глубоком поклоне Смолев. – «Тренируйся тщательнее!» – говорил Кенсэй Мусаши. Я поэтому и пришел. У меня важное дело к вам, мастер! Я переехал из Петербурга в Грецию, на остров Наксос. У меня все в порядке. Но мне не хватает Кендо. Прошу вас помочь мне открыть на острове Додзе, если моя просьба вас не очень обременит. Приглашаю вас поехать со мной на месяц-два, чтобы открыть школу боевых искусств и преподавать в ней! Рыжая Соня тоже со мной, она готова стать инструктором в школе, которую мы откроем.

– Я подумаю над вашим предложением, – ответил с достоинством Фудзивара, но по его загоревшимся радостью глазам, Алекс понял, что неожиданное предложение обрадовало старого японца, посвятившего всю свою жизнь древнему боевому искусству.

– Спасибо, мастер! – обрадованно произнес Смолев. – Еще вопрос, что вы могли бы мне рассказать про мечи двух знаменитых кузнецов: Масамунэ и Мурамаса? В чем различие между двумя школами?

– Здесь скоро начнется тренировка, – после краткого раздумья ответил ему японец, указывая на спортсменов, что начинали собираться в зале. – Давайте пройдем в другой зал, выпьем чаю и поговорим. Это долгий разговор!

Вернувшись поздно вечером в дом под Зеленогорском, что достался ему по завещанию, Смолев попытался систематизировать услышанную от японца информацию.

Итак, школы Масамунэ и Мурамаса отстают друг от друга на несколько столетий. Масамунэ и его «великолепная десятка» учеников во главе с Садамунэ – это четырнадцатый век. А Мурамаса и его школа – это век шестнадцатый. Поэтому два великих мастера никогда не могли встречаться. Говоря о клинках Мурамаса, мастер Фудзивара рассказал о том, как можно отличить его клинки от работы других мастеров.

В японских книгах по оружейному искусству, которые были написаны после жизни Мурамаса утверждается, что мечи его школы больше похожи на традицию Мино, а не Масамунэ. Но на самом деле, мечи сочетают в себе характеристики и той, и другой традиции. Особенности этих мечей были таковы: клинок был более широким и тонким, линия синогои размещалась выше, острие было длиннее; цвет поверхности – чистый темно-синий с низ – крупнозернистыми зеркально-подобными частицами на линии закалки; сами линии закалки волнистые или по форме напоминающие голову божества Дзидзо. Гравировка на клинке встречается редко, чаще бывают желобки, а хвостовик клинка выполнялся в форме «живот рыбы». Цвет якибы – закаленной части клинка – кристально-белый, с голубоватым отливом.

– Но это все технические моменты, – покачал головой Фудзивара-сенсей. – Есть и другие признаки, но это не так важно. Важнее другое.

Оказалось, что мечи Мурамаса подвергались гонениям, и это единственный уникальный случай за всю историю холодного оружия! Считалось, что клинки Мурамаса – и это документально подтверждено – приносили несчастья членам клана Иэясу Токугава, объединителя раздробленной феодальной Японии. Известно, что его дед и отец погибли от такого клинка. Даже сам Токугава по неосторожности был случайно ранен мечом Мурамаса! Когда его сын был приговорен к совершению сэппуку, то секундант-кайсяку отрубил ему голову клинком одного из этих мастеров.

Узнав об этом и окончательно потеряв терпение, Токугава решил уничтожить все клинки Мурамаса, принадлежавшие его семье, и потребовал того же немедленно от своих подданных под страхом смерти.

Было провозглашено, что Мурамаса намеренно заколдовывал свои клинки, вселяя в них злое божество – кровожадного демона, жаждущего крови великого сегуна.

Примеру Токугавы последовали многие из его слуг и приближенных. Но также многие самураи, рискуя жизнью, нарушали запрет Токугавы и прятали легендарные клинки, стирали с них подписи мастера, даже выбивали чужие имена.

Поскольку многие годы эти мечи были подвержены гонениям и уничтожались – их почти не осталось. На сегодняшний день в музеях мира представлено всего четыре меча этой династии, и, похоже, что меч, на который упала витрина в музее – один из них.

Сильно, подумал Смолев, могу понять чувства Тишкина. Да и за музей обидно!

Много рассказал ему сегодня мастер Фудзивара. Но разгадать загадку не помог. Сказал: «Вы сами все поймете. Со временем!»

Уже позднее вечером Алекс долго ворочался в кровати, пытаясь разгадать тайну, но так ничего и не придумав, заснул. Его сны в эту ночь были беспокойными. Ему снилось, что это он везет клинки в Грецию вместо Тишкина и очень переживает, поскольку не может отличить один клинок от другого.

Часть третья

*Аромат хризантем...
В капищах древней Нары
Темные статуи Будд.*

Басё.

Человек должен знать, зачем ему меч!

**Фудзивара Канефуса,
кузнец в 25-ом поколении.**

Когда спрашивают: «В чём подлинный смысл закона Будды?», прежде, чем вопрос перестанет звучать, нужно ответить: «одинокая ветка цветущей сливы или кипарис во дворе», – неторопливо размышлял буддийский монах средних лет, расположившийся на отдых на самом краю бамбукового леса Сагано на окраине имперской столицы Хэйан-кё, что в переводе с японского означало «мир и спокойствие».

Монаха звали Такуан Сохо. Он сидел, скрестив босые ноги, на циновке, расстеленной у дороги. Нехитрый дорожный скарб странствующего монаха лежал рядом. Прежде, чем он отведаст норимаки³ с ломтиками рыбы и моти⁴ с дайконом⁵, который он замариновал по собственному рецепту, ему необходимо перенести на бумагу мысли, что он обдумывал вот уже несколько дней пути, составляя ответное письмо своему ученику и другу ронину Миямото Мусаши.

На дворе стоял ноябрь. В стране Ниппон это время называли «момидзи-гари» – «охота за красным кленом». Листья знаменитого клена каэда с октября начинали стремительно краснеть на севере, и постепенно волна яркого багрянца захлестывала одну провинцию за другой, на целый месяц окрашивая леса в багрово-красный цвет. Созерцание красных листьев клена привлекало множество монахов из буддийских и синтоистских храмов по всей Ямато⁶.

Такуан Сохо, странствующий буддийский монах, поэт и каллиграф, совершал очередное паломничество в храм Тофуку-дзи, знаменитый своими кленами каэда, особенно прекрасными в середине ноября. Храм лежал к юго-востоку от имперской столицы, до него было еще полдня

³ рисовые роллы – яп. (прим. автора)

⁴ рисовая лепешка – яп. (прим. автора)

⁵ маринованная редька – яп. (прим. автора)

⁶ «великая гармония, мир» – древнее название Японии – (прим. автора)

пути. Но время есть. У него есть все время этого мира. И одновременно у него нет ничего. И его самого нет. Есть Пустота. Однажды осознав это, он давно уже никуда не торопился.

Монах неспешно достал все необходимое для письма и, аккуратно окунув кисточку в баночку с черной тушью, вывел на бумаге несколько размашистых иероглифов. Он сидел, привычно поджав под себя ноги, на потрепанной тростниковой циновке, полуприкрыв глаза и прислушиваясь к внутреннему голосу Будды, говорившему в нем – надо только уметь слушать! Только достигшие просветления понимают, что будды и люди – единое целое! Потом склонялся над свитком и наносил еще несколько иероглифов на рисовую бумагу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.